

**Политический порядок
и проблема идеологии**

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК МОДЕРНА В КОНТЕКСТЕ
РЕНТНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КАПИТАЛИЗМА¹**

В.С. Мартьянов
Институт философии и права
Уральского отделения РАН

Аннотация: В статье утверждается, что взаимосвязанные модели рынка, постоянного экономического роста и высокой трудовой занятости испытывают возрастающие трудности. В ходе роботизации люди исключаются из технологических цепочек, рынок уступает место государству, способность к труду для большинства все чаще перестает быть ключевым источником существования, а долгосрочное продолжение глобального экономического роста оказывается неочевидным. Модель социального государства не справляется с новыми лишними людьми, а социальная стратификация все чаще начинает определяться не полезностью людей на рынке, а их ценностью для государства, распределяющего политические ренты и ресурсы. Российский периферийный Модерн в ситуации доминирования источников природной ренты демонстрирует указанные рентно-сословные сдвиги в своей структуре и ревани модели естественного государства с наибольшей интенсивностью. Аргументируется, что потенциальные вызовы рентно-сословному политическому порядку могут исходить от умножающихся прекариатных групп и лишних людей, исключаемых как из рынка, так и из доступа к социально-политическим рентам.

Ключевые слова: кризис рынка, Модерн, политический порядок, прекариат, рента, рентная трансформация, стратификация, новая сословность, периферия, неопатримониализм.

От рыночной к рентной модели глобального капитализма

Экспансионистский классический Модерн, объединивший господство рыночного капитализма, нации-государства и либеральный консенсус можно условно назвать обществом производителей, в котором господствовала пространственная экспансия капитала и освоение новых рынков сбыта. Открытие новых рынков, формирующих растущий спрос, и вовлечение

¹ Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта ИФиП УрО РАН №15-19-6-6 «Трансформация морально-политических и правовых регуляторов современного общества: взаимодействие национального и глобального пространств».

некапиталистической периферии в рыночные обмены позволяли создавать все новые производства и привлекать все больше рабочих рук. В условиях первоначального накопления капитала и присутствия огромной некапиталистической периферии, представлявшей естественные рынки сбыта, первой задачей для капитализма стало массовое формирование аскета-производителя, мотивированного на максимизацию собственной эксплуатации в ходе географической экспансии. Однако по окончании глобальной географической экспансии капитализма более важной задачей стало не производство товаров, а их сбыт в условиях все более жёсткой конкуренции производителей за конечные рынки.

Глобальный капитализм исчерпал экстенсивные географические факторы извлечения прибыли, связанные с освоением новых рынков сбыта и взаимовыгодным обменом между регионами, имеющими разные конкурентные преимущества в производстве разных товаров. Другие факторы кризиса капитализма связаны с пределами потребления природных ресурсов, экологией, перенаселением Земли, скрытым паразитированием капитализма на внеэкономических ресурсах его существования (культура, мораль, традиционные ценности), разных инфраструктурных доступах и гарантиях (известная в экономической науке *проблема безбилетника*). Выход из этих кризисов может быть связан только с политическими решениями, отбрасывающими модель *человека экономического*, который будет максимизировать свою частную прибыль до тех пор, пока капиталистическое общество не распадётся от созданных им неравенств и противоречий, а его самого не сметёт очередная революция. Ведущие мировые социологи, историки и политологи всерьёз анализируют усиливающиеся негативные тенденции, обостряющие противоречия капитализма и способные привести к концу этого исторического явления. По крайней мере, в той конкурентной рыночной модели, которая до сих пор считалась нормативной [Есть ли будущее... 2015]. Впрочем, уже К. Поланьи в своей «Великой трансформации» убедительно обосновал, что *саморегулируемый рынок* вовсе не является *естественным явлением* в долгой истории человечества, а попытки саморегулируемого рынка освободиться от внешней социальной регуляции и диктовать правила во всех сферах жизни общества оборачиваются закономерным подрывом базовых внеэкономических условий существования и рынка, и общества [Поланьи 2002: 269–277].

В настоящее время постоянный рост производительности труда позволяет удовлетворить практически любой потенциальный спрос. Автоматизация производства привела к временному, паллиативному решению, которое заключалось в перепрофилировании производящего класса в класс потребляющий, где на смену аскетизму приходит гедонизм новых потребителей. Фактором, позволяющим сохранять/увеличивать прибыль является расширение рынков сбыта, то есть расширение спроса, которое может быть достигнуто только: а) возгонкой все более фиктивных потребностей в модели обществе потребления; б) снижением качества и быстрым плановым устареванием товаров — идеология одноразовых товаров, которые периодически должны меняться на более совершенные, причём скорее эстетически, нежели функционально (запланированный износ, новые технологические стандарты, выход их моды и пр.); в) все более доступными практиками опережающего потребления в кредит. В результате даже тогда, когда потребитель не испытывает особой необходимости в прямой функции товара — удовлетворении потребностей, он хочет обладать товаром самим по себе, подчиняясь культурной экономике, престижному (статусному) потреблению и реагируя на социальные смыслы, которые артикулирует определённый товар. Например, З. Бауман пророчит глобальную трансформацию привычной классовой структуры общества, где на смену социальным группам и классам приходят социальный антагонизм, связанный с выделением из общества потребления всех *не потребляющих*: «не удивительно, что этих людей переклассифицировали в „андеркласс“: они теперь уже не временная аномалия, ожидающая исправления, а

класс вне классов, группа находящаяся за пределами социальной системы, сословие, без которого все остальные чувствовали бы себя лучше и удобнее» [Бауман 2002: 94–96].

Второй, поздний или глобальный Модерн знаменует временный характер географической экспансии капитала, в результате которой капиталистическая миросистема охватило все человечество. Соответственно возникает критический избыток капитала, который имеет все меньше возможностей для успешного инвестирования в силу роста конкуренции на единых глобальных рынках и насыщенности этих рынков массового спроса. В настоящее время только Африка остаётся значимым географическим направлением капиталистической экспансии, которая в отношении этого континента нарастает в начале XXI века форсированными темпами [Africa's pulse... 2013]. В 2000-е годы Африка демонстрирует уверенные темпы роста ВВП значительно выше среднемировых [Экономика Африки 2010: 22–23]. Однако освоение африканских рынков сбыта, создание капиталистической инфраструктуры и потребительского рынка, которое завершится в середине XXI века, уже не окажет существенного влияния на отсрочку общего кризиса модели рыночного капитализма.

Постоянный рост капитала теперь нужен уже не для экспансии, а для расширения тоже не беспредельного внутреннего спроса или текущего потребления, которое, парадоксальным образом, тождественно уничтожения этого капитала. Таким образом, ставится под сомнение родовая черта раннего капитализма — бесконечное накопление капитала, внезапно обнаружившее свои пределы. Поздний капитализм, построенный как модель общества потребления, наоборот, демонстрирует антикапиталистическую логику симметричного символического и материального обмена, где все произведённое уничтожается без остатка, чтобы иметь возможность быть произведённым вновь и вновь. Проблема заключается в том, что экспансия капитала возможно теперь только в виде увеличения объёмов потребления, как единственного источника создающего его рост. Если раннеиндустриальный капитализм заставлял работать, то поздний *soft-капитализм* эксплуатирует и отчуждает человека через потребление и создание новых потребностей, под которые создаются новые отрасли экономики. Например, приоритетными целями становится все то, что относится к экологическому дискурсу — чистый воздух, вода, не измененные генетически и не вскормленные химическими удобрениями продукты и т. п. Только ради новых ценностей и целей люди готовы повысить свои потребности и стандарты жизни, а значит и мотивацию к труду.

В результате второй, поздний или радикальный Модерн оказывается обществом потребителей, в котором прирост капитала как базовая цель капитализма все более связан со стратегией интенсификации — ресурсом роста потребления на уже имеющихся конечных рынках, созданием на них новых ниш. Со стремлением людей увеличивать объёмы потребления, *открывать* для себя новые значимые потребности, требующие своего удовлетворения все новыми видами товаров и услуг. Но подобная возгонка потребления тоже не может быть вечной, поскольку доходы людей связаны независимой фоновой тенденцией — сокращением рынка труда в результате автоматизации производства и завершения пространственной экспансии капитала.

Неолиберальный мейнстрим до сих пор подвержен оптике идеализированной модели рыночного капитализма, через которую он смотрит на современное общество, и которую считает нормативной, некритично распространяя метафоры рынка на политику — политический рынок, конкуренция, рациональный выбор, модель экономического человека и т. д. Экономический мейнстрим идеализирует первоначальную конкурентную модель капитализма, но уже с конца XIX — начала XX века естественной моделью капитализма является скорее олигополия или монополия, сначала на национальном (госкорпорации), а затем и на глобальном (ТНК) уровнях. В дискурсе неолиберализма предполагалось постоянное ослабление национального государства как ключевого политического субъекта. С одной стороны, указывалось

на то, что государства теряют правовые и экономические рычаги давления на транснациональные корпорации, которые действуют в логике *глобального номадизма* и легко перекидывают свои ресурсы на территории с режимами наибольшего налогового благоприятствования, дешёвой рабочей силы и ресурсов. С другой — декларировалось, что государства все менее властны и над сетями мировых городов, активно ускользающих из-под национальных юрисдикций. В результате любая внутренняя политика оказывается все зависимей от внешних факторов, которые не поддаются контролю национальных элит.

Однако усиливающиеся тенденции рентной трансформации капитализма показывают, что государство как доминирующую политическую форму рано сбрасывать с корабля современности. Статистика наглядно подтверждает, что политическая рента от наличия гражданства стран центра мироэкономики, влияет на возможности и доходы индивидов сильнее, чем принадлежность к тому или иному социальному классу, образование, профессия и т. д. [Миланович 2017]. Более того, постоянно растёт доля расходов современных государств в ВВП. Доля государства в ВВП как объем общественной ренты, подлежащих к распределению средств генерируемых в виде налогов, акцизов, таможенных сборов, взносов на страхование и пр., постоянно растет, составляя в мире в среднем 30,3 % от ВВП. Среди лидеров по данному показателю (за исключением социалистической Кубы — 65,9 %) выделяются развитые европейские экономики, ориентированные на модель социального государства: Франция — 51,5 %, Швеция — 51,4 %, Германия — 45,3 %, Беларусь — 38,5 % и т. п. [Factbook 2015]. В России официальные цифры госрасходов в ВВП составляют 38 %, однако, по экспертным оценкам МВФ, реальная доля государства в экономике достигает 71 % [Едовина 2014: 6]. *Ресурсы большинства граждан прямо или опосредованно начинают зависеть от структуры и содержания их отношений с разнообразными государственными агентами, регулируемыми существующие рентные цепочки.* В данном случае *этакратическая тенденция* в социальной стратификации характерна не только для России, но и для государств, часто противопоставляемых ей как рыночные/демократические. В условиях замедления глобального экономического роста возникает глобально расширяющаяся страта *рантье*, основным источником существования для которых становятся различные гарантированные государственные пособия и/или рента с капитала, гражданства, социального статуса и т. д. [Пикетти 2015].

Рентная трансформация глобального капитализма со всей ясностью обнаруживает, что капитализм является не только экономическим порядком, но и временным процессом. Он способен как генерировать новые инфраструктурные пространства капитала, так и приводить к разрушению уже имеющихся, к *декапитализации* национальных экономик, вследствие падения прибылей, роста затрат на зарплаты, истощения ресурсов, роста административных издержек и политических рисков. Обычно началом декапитализации является кризис перепроизводства, падение стоимости активов и географическое бегство капиталов, которые влекут за собой застой, деиндустриализацию и экономическую депрессию в местах исхода капитала [Арриги 2005]. Поэтому деиндустриализация *сервисных экономик* развитых обществ вовсе не является признаком постиндустриализации. Она часто становится вынужденной мерой вследствие потери конкурентоспособности национальными экономиками центра мироэкономики в аграрном и индустриальном секторах. Поэтому странам, переживающим стремительную деиндустриализацию не остаётся ничего иного как превращаться в *вынужденно постиндустриальное* общество, хотя с таким же успехом его можно было бы назвать *альтериндустриальным*. Здесь *общество знаний и экономика услуг* очень часто оказываются созидаемыми вынужденно, иначе общество уже не способно другими способами и в других сферах производства поддерживать достигнутые стандарты доходов, комфорта и потребления. Наличие высокодоходных ниш, связанных с высокими технологиями, финансовыми спекуляциями или элитными брендовыми товарами, позволяя строить сомнительные утопии насчёт всеобщего

перехода к постиндустриальному обществу. При этом остаётся нерешенной базовая проблема массового перепроизводства и ее последствий в виде сокращения экономического роста, увеличения безработицы и роста государственных обязательств.

Таким образом, поздний капитализм уже не имеет возможностей завоёвывать новые рынки сбыта, он все чаще связан с *политическим перераспределением уже имеющихся ресурсов и рынков*. Постоянный рост конкуренции и падение нормы прибыли ведёт к поиску внеэкономических факторов развития, в совершенствовании имеющихся технологий и снижении разного рода издержек, что выливается в общую неолиберальную интенсификацию капитализма, которая даёт лишь отсрочку от глобального кризиса. Но не его разрешение: «политический и социальный реванш капитала над трудом привёл к тому, что доля зарплаты в мировом экономическом росте неуклонно падала. Спрос в течение двух десятилетий поддерживался за счёт роста задолженности — частной и государственной, но результатом этого стал глобальный финансовый пузырь, который неминуемо лопнул» [Кагарлицкий 2016]. В условиях усиления роли внеэкономических факторов конкуренции, все большее значение в сравнении с капиталом и трудом приобретают разного рода *гарантированные политические ренты*. Последнее обстоятельство в долгосрочной перспективе меняет *социальную стратификацию* современного общества и определяющие ее факторы. Рентная трансформация обнаруживает структурные сдвиги общества, к которым оно уже готово, но при этом общество продолжает мыслить себя соотношениями привычных социальных групп (крестьяне, рабочие, интеллектуалы, буржуазия, средний класс и т. д.), чья конфигурация и взаимоотношения испытывают все большие деформации.

Если классовая структура детерминирована особенностями распределения разных видов капитала в обществе, то современные пост-марксистские классы складываются на основании возможности/невозможности доступа конкретных индивидов к тем или иным видам ренты [Sorensen 2000]. В подобной перспективе господство экономических макроклассов, ориентированных на ресурсы труда и капитала, все чаще уступает влиянию более мелких и разнообразных рентных групп [Мартьянов 2016]. В результате усиливаются социальные группы, опирающиеся на неэкономические факторы идентичности — раса, религия, этничность, гендер, язык, культура, география и т. д., которые на некоторое время были отодвинуты на периферию социальной стратификации развитием капитализма. В то же время в *естественных государствах и неопатримониальных обществах* [Фисун 2010], к которым принадлежит большая часть современного человечества, можно наблюдать ренессанс неэкономической, *сословной стратификации*, производной не от доступа к власти, социального статуса или престижа [Кордонский 2008]. В ситуации ослабления конкурентного капитализма подобный гибридный тип стратификации, объединяющий классово-рыночные и сословно-дистрибутивные принципы, может получить более широкое распространение.

Закрепляющие подобные гибридные типы стратификации неопатримониальные политические режимы предстают как результат невозможности или краха веберовского проекта рациональной бюрократии на службе общественных интересов. Впрочем, общая концептуальная рыхлость, неопределённость и отнесение исследователями неопатримониализма исключительно к полу- и периферийным политическим режимам, как правило, в контексте их сравнительного, типологического анализа, позволяет заподозрить в нем вполне определённую *прогрессорскую* идеологическую начинку. Если в свое время в дискурсе транзитологии разным *автократиям* и *демократиям с прилагательными* предлагались достигательные образцы западных обществ, которые считалось возможным достаточно быстро реализовать путём разнообразных институциональных заимствований и *трасплантов*, то концепция неопатримониализма, быстро вытесняющая оптимистический дискурс транзитологии, призвана объяснить, почему *дефектные режимы* с большой степенью вероятности не смогут

этого сделать; а также почему это является для того же российского общества не аномалией, а *нормальным и устойчивым* состоянием политического режима.

Между тем, сословные, нефеодалные (неопатримониальные) общества с централизованным управлением, планированием, слабым рынком, отсутствием или слабой выраженностью классовой борьбы, господством *слабой (политической)* собственности чувствуют себя все уверенней в условиях рентной трансформации капитализма и усиления тенденций вне рыночного распределения ресурсных потоков. И наоборот, общества, в которых доминирует *сильная* частная собственность, испытывают растущие трудности в условиях исчерпания пределов глобального рынка. Новые перспективы все реже связаны с рынком и чаще — с государством, зависимыми от него иерархиями социальных групп и конвертацией в экономические ресурсы властных статусов. Соответственно господствующие элиты все чаще образуют не владельцы частной собственности и экономических ресурсов, а группы, которые обладают властным ресурсом, занимая определённые позиции в государственной иерархии, определяемой факторами их *полезности* для государства. Властно-политические ресурсы оказываются доминирующими, а экономические — производными от них, что и наблюдалось большую часть истории человечества. В этом смысле *естественные государства* Д. Норты действительно являются естественными, а способность новых *обществ открытого доступа* сохраняться таковыми в долгосрочной перспективе, а тем более осуществлять экспансию оказывается все более проблематичной. В подобной перспективе именно феодальное общество имеет большую степень самореферентности и устойчивости, в отличие от более сложных и неустойчивых в долгом историческом времени законов обществ *открытого доступа*, олицетворявших авангард глобального Модерна.

Российская модель трансформации: периферийный сословно-рыночный кентавр?

Российское общество в радикальном виде являет тенденции глобальной рентной трансформации. Это связано с его резким перемещением на периферию мироэкономики, потерей рынков, конкурентных преимуществ и общим сокращением ресурсной базы экономики, сводящейся преимущественно к природным ресурсам. Появившийся было рынок так и не развился в качестве доминирующего механизма распределения ресурсов. При этом участники сырьевой ренты, ставшей значимой долей в общих доходах городских домохозяйств, понимают, что она не является *заработанной* ни властью, ни госкорпорациями, ни гражданами, а доля труда и технологий в ее стоимости минимальна. Поэтому любые обоснования притязаний на ренту имеют внеэкономический характер — принадлежность к сословию, роль традиций, апелляция к образу жизни и положенным льготам и привилегиям, борьба с теми или иными *угрозами* (С. Кордонский) и т. п.

Более того, в России статистическое большинство как класс *простых исполнителей* (Н.Е. Тихонова) или наёмных рабочих/служащих основным ресурсом которых является *способность к труду*, в условиях периферийной рыночной экономики могут получить только *отрицательную ренту* на свой базовый актив в виде труда. Такой труд не позволяет осуществить достойную рекреацию и развитие *человека труда*, не говоря о возможности сбережений и вложений в собственный человеческий капитал. Как отмечает Н.Е. Тихонова, заниженные доходы людей труда «имеют место отчасти в силу стихийно сложившейся инерции недоучёта необходимости расходов на оплату жилья, образования и медицинские услуги, идущего ещё с советских времён, а отчасти — инерции низких зарплат... с соответствующим демпингом цен на такой актив, как простая способность к труду» [Тихонова 2014: 337–338]. Более того, «по состоянию на середину 2000-х гг. более трети россиян... были полностью лишены всех видов ресурсов, которые выступали бы для них в качестве реальных активов... что гово-

рит... о не востребованности их ресурсов российской экономикой, а следовательно о том, что они являются „лишними людьми“» [Тихонова 2014: 292]. Отсюда тенденция к прекаризации все более широких социальных слоёв населения, расширение механизмов скрытой и сезонной занятости в *тени государства*.

Таким образом, а) способность к наёмному труду, как ключевой ресурс большинства населения, и б) зарплата, как доминирующая статья в общих доходах населения, по сути, уже не могут быть основой социокультурной и экономической модернизации общества. Для этого труд должен перестать быть необходимым механизмом выживания, превратится в способ расширенного воспроизводства человека, обеспечивающего ему возможность для дальнейшего развития. Без резкого поднятия стоимости труда никакой рост производительности невозможен, так как производительность и автоматизация труда увеличиваются лишь тогда, когда производители не могут массой дешёвого труда заменить потребности в прогрессе. Во многом подобные стимулы выстраиваются политическими, нерыночными решениями. Например, многолетние российские дискуссии о повышении минимальной зарплаты до уровня МРОТ (физиологического выживания) так и не привели к соответствующим политическим решениям. При этом в развитых странах МРОТ устанавливается не от уровня физиологического выживания, но от средней оплаты труда в стране, составляя от нее, как правило, не менее 50 %. Безусловно, указанный путь первоначально провоцирует рост увольнений и безработицы. Однако низкие зарплаты как механизм выживания и фиксации политической лояльности, но не достойной жизни, сами по себе являются не более чем паллиативом безработицы, консервирующими состояние неконкурентоспособности и низкой производительности. В условиях российского периферийного Модерна на путь расширенного воспроизводства не может встать даже стремительно усыхающий средний класс. В России рост расслоения по доходам, фиксируемый постоянным увеличением коэффициента Джини означает «распад среднего класса, если он вообще когда-либо действительно существовал» [Красильникова, Самсон 2010: 72]. Подобный радикальный уровень внутренней асимметрии наиболее полно характеризует отличие мировой периферии от центра, имеющего необходимые ресурсы для ее выравнивания, например, в виде механизмов *социального государства*.

В основе новой рентно-сословной стратификации российского общества начинают преобладать далёкие от классического рынка и капитализма факторы, которые наделяются явным преимуществом даже при определении рыночной ценности работников: «в российской экономике при определении заработка главную роль играют не факторы, связанные с развитием рабочей силы (квалификация, опыт, образование), а внешние по отношению к работнику факторы: работа в более успешных и конкурентоспособных отраслях, в более богатом регионе, на преуспевающем предприятии. При этом существует также и сильная внутренняя зависимость между благополучием отрасли, региона и предприятия» [Соболев 2014]. Серьезные политические следствия влечёт и то обстоятельство, что около половины распределяемого государством ресурса генерирует сырьевой комплекс, в котором согласно Росстату работает всего 1,57 % от общего количества занятых [Российский... 2015: 111]. Соответственно большая часть населения в подобной политической перспективе выступает для ресурсного государства как обуза, на которую надо постоянно тратить генерируемый сырьевой экономикой ресурс.

Социальная структура современной России в свете тенденций сжатия рыночной регуляции, прекаризации и увеличения *лишних людей* может быть описана как своеобразный *сословно-рыночный кентавр*, в котором экономические классы все интенсивнее переструктурируются сквозь нормативно-институциональную сеть постсоветских сословий. При этом рыночные взаимодействия и современные политические институты отодвигаются на изменчивую *защитную периферию*, связанную с поиском ресурсов, легитимацией власти и адаптивным

взаимодействием рентно-сословного ядра с внешним миром. Тем не менее, в отечественной политической теории продолжают доминировать концепции, описывающие российский политический порядок с помощью нормативных понятий, относимых преимущественно к его достаточно тонкой *модерной оболочке*. В результате эти понятия анализируют этот порядок с нормативных позиций *должного*, даже с учётом констатаций его разнообразных *отклонений*, игнорируя при этом специфику рентно-сословного ядра. Расширяя модерную оболочку, сословное ядро, безусловно, может добиться частных успехов в деле модернизации. Проблема в том, что успехи модернизации неизбежно инициируют пересмотр сложившейся иерархии сословного ядра и модерной периферии, переопределение прав социальных групп на доступ к ренте, а потому расцениваются в доминирующем дискурсе как революционные и экстремистские, бросающие вызов сословно-имперским и неопатримониальным основаниям гибридного политического порядка. Закономерной реакцией сословных элит на достижения модернизации становится ее *негативная переоценка* и свёртывание.

На институциональном уровне усиление рентно-сословных принципов стратификации ведёт к тому, что первоначальные попытки радикальных модернизационных проектов 1990-х сменились стратегиями пассивной социальной адаптации большинства населения в 2000-х в условиях сознательной приостановки элитами *опасных* модернизационных импульсов. В результате наблюдается «усиление традиционализма и компенсаторного национализма, сохранение государственно-патерналистских, антилиберальных и антизападнических настроений в обществе, популярность изоляционистских идей... Адаптация к переменам происходит не через усложнение состава и структуры общества, увеличения ценностного и культурного многообразия, нарастания человеческого и интеллектуального потенциала, а, напротив, через его снижение и упрощение институтов, обеспечивающих базовые правила взаимодействия в социуме» [Гудков 2011: 38]. Наметившаяся было сложная социальная динамика выстраивания индивидуальных биографий граждан в рыночных условиях вновь сменилась новой сословностью, где принадлежность к определённой социальной группе, фиксируемой государством, даёт возможность доступа к тем или иным видам политических рент.

Все это противоречит модерности как устремлённости в будущее, в котором согласно идее прогресса содержатся возможности улучшения и совершенствования индивидуального и коллективного настоящего. Будущее начинает рассматриваться негативно: либо в рамках концепций вечного возвращения к золотому веку, либо как ухудшение настоящего, либо как его бесконечная инерция, либо как рост неопределённости, чреватый эскалацией общественных страхов и угроз. Все эти виды будущего фактически антиутопичны и антимодерны, так как заранее оценивают будущее как негативные изменения, в которых будет происходить нарастание отчуждения людей от возможностей управления их собственной судьбой. Отсюда традиционалистские настроения, межличностное и институциональное недоверие, стремление приостановить любые изменения в пользу статус-кво, как бы негативно последнее ни оценивалось [Мартыанов 2017а].

В подобной ситуации, когда прекаризируемое большинство находится на траектории *социального понижения*, возникает закономерный вопрос — могут ли, вопреки К. Мангейму, стать источником новых тотальных утопий классы и группы, который не поднимаются, а наоборот опускается в системе социальной стратификации периферийного Модерна? [Фишман 2016]. Новое революционное измерение политики может проявиться в том, что однажды эти социальные группы перестанет устраивать частные дискурсы *ремонта периферийного Модерна* или *ренты в обмен на лояльность*, в пользу модели принципиально иного общества? Поступательное движение коллективных политических смыслов и усилий новых социальных групп в этом направлении трудно не заметить. Если в 2011 году адресатом стихийной оппозиции были властные элиты, Кремль, то в 2017 году действующая власть уже не является по-

тенциальным контрагентом демонстрантов. Их новой целью становится самоорганизация коллективной субъектности, повестки дня и публичного пространства, альтернативных тем, что создаются в доминирующих политических институтах и СМИ. Это своего рода ответная консолидация общества в ответ на репрессии и аресты активистов, последовавшие после предшествующих массовых выступлений. Тогда Кремль показал, что не собирается вступать в диалог и корректировать сложившийся политический порядок. Поэтому оживления социальных лифтов, гражданского равенства, социальной справедливости, усиления автономии судов и т. д. в перспективе будущего не предвидится, а сословно-рентная стратификация и двойные стандарты будут сохраняться и укрепляться. Соответственно, когда обоснованные вопросы, призывы, прошения и челобитные в адрес власти не нашли ожидаемого отклика, закономерно начинают формироваться городские движения, связанные с а) альтернативной субъектностью, б) с автономией от власти, в) с другим видением общего будущего. Несмотря на аморфность этих структур, активно и эффективно использующих социальные сети, они образуют параллельное официальным структурам государства пространства коллективного действия, игнорировать и не признавать которые будет все трудней. Поскольку растущая ценность совместного коллективного действия и взаимное признание целей укрепляют сетевые структуры.

С другой стороны, можно наблюдать ответные стратегии прагматизма и популизма российских элит. Эта идеологическая обезличенность не случайна, так как российские элиты стремятся к отказу от опоры на некую связную систему ценностей в пользу ситуативного идеологического реагирования. В результате элиты все время ускользают от определения своего места в идеологических координатах, накладывающего на их поведение те или иные обязательства. А отсутствие институционально фиксированных правил игры и обязательств элит перед гражданами во многом обуславливает многоуровневую патрон-клиентскую иерархию распределения ресурсов, вершина которой стремится к *сакральной, трансцендентной легитимации*, откреплённой от любых народных, республиканских, демократических и иных онтологических референций. Поскольку соблюдением реальных демократических процедур закономерно ведёт к потере власти и контроля ресурсных потоков. В результате процедуры легитимации симулируются с помощью соцопросов, ТВ, риторики осаждённой *крепости* и постоянных *побед* [Фишман 2015]. При этом выход на серьёзную политическую конкуренцию неизбежно обнаруживает, что российская власть как политический игрок «очень быстро начинает действовать не по правилам. А поскольку он, с одной стороны, определяет правила, а с другой — им не следует, это самый опасный игрок» [Рогозин 2016]. Внутренняя империя (властный аппарат, высшее сословие, партия власти, олигархи, номенклатура и т. д.) пытается стать сакральным ядром, транслирующим свои интересы и управленческие импульсы на обширную периферию (народ) с помощью нарративов *государственных интересов, патриотизма, модернизации и т. д.* Эта риторика сохраняет устойчивую историческую преемственность: «в СССР официальная точка зрения сводилась к постулату: интересы общества, государства и индивида совпадают. На деле за таким „совпадением“ скрывалось абсолютное господство бюрократии над населением страны... Сегодня понятие государственных интересов используется всеми членами государственного аппарата и его юридической и идеологической obsługi для обоснования особого (обычно привилегированного) положения в обществе» [Макаренко 2015: 6].

В результате парадокс идеологической стратификации российского общества обнаруживает глубочайшее несовпадение и ценностный конфликт между сословным ядром и современной периферией. Он состоит в том, что социальная структура российского общества не показывает значимых идеологических предпочтений и совпадений с его партийно-политической структурой, фиксируемых результатами выборов и соцопросами. Это доказывает, что пар-

тийно-политическая система, и должная ее обосновывать система идеологическая, не играет существенной роли в механизмах объяснения, легитимации и компенсации сложившейся стратификации российского общества и составляющих его социальных групп. Значимые различия проходят по другим признакам, нежели идеологические. В частности, в 1993–2003 годах критериями дифференциации избирателей по партийно-политическим предпочтениям по убыванию значимости выступал их социально-профессиональный статус, возраст, тип населённого пункта (город-село), образование, доход [Калинин 2006: 44].

Как следствие, попытки взаимодействия в обезличенной среде универсальных институтов рынка и демократии распадается на локальные межличностные коммуникации, ситуативные практики и их контекстуальные оправдания в условиях, когда регулятивные правовые нормы повсеместно уступают доминирующие позиции более локальным, сословным понятиям о чести, справедливости, достоинстве, долге, ответственности и т. д. Экстраполяция сословных *добродетелей* сопровождается ростом нетерпимости к тем современным практикам, ценностям и образцам поведения, которые выходят за рамки локальных субкультур. Это все более частые попытки применить санкции и репрессии в отношении тех, кто не разделяет предписанные государством *сверху* дифференцированные нормы для локальных сообществ, в то время как консолидирующие гражданские ценности и принципы не могут быть поддержаны сословными политическими элитами. Адаптация к сословной социальной среде обуславливает рост агрессии и недоверия граждан, локализации любых взаимодействий как оптимальных стратегий в условиях институционального и морального дефицита государства. В результате накопленная сумма локального межиндивидуального и межгруппового неравенства, насилия и агрессии начинает значительно превосходить уровень дисциплинарного принуждения, достаточного для функционирования институционального порядка современного общества. Государство сохраняет легитимность в качестве организованного насилия, но окончательно теряет ее в качестве инстанции морального регулирования. Сословно-рентное государство оказывается неспособно опереться на общегражданскую этику принципов и элиминировать частное насилие, подкрепленное опорой на партикулярную мораль сословий и локальных сообществ [Мартьянов, Фишман 2016]. Подобное состояние возникает именно потому, что моральные и институциональные порядки государства для разных социальных групп начинают резко расходиться, закрепляясь в разнообразных моделях новой сословной социализации.

Заключение

Глобальное расслоение богатого меньшинства и бедного большинства нарастает. В долгосрочной перспективе капитализма доходность капитала выше, чем рост доходов *людей труда*, обеспечиваемый ростом производительности. Это обуславливает *естественное* усиление общественного неравенства в рыночном распределении богатств и доходов, если это неравенство не сглаживается *внеэкономическими способами* [Пикетти 2015]. В условиях рентной трансформации капитализма глобальные рынки будут функционировать все хуже, а новый изоляционизм как экономическая политика национальных и блоковых пространств только нарастать. Повсеместный конфликт экономических рыночных классов и новых рентных групп в качестве неизбежного следствия будет снижать стратификационный потенциал механизмов рыночной саморегуляции и усиливать роль государства в качестве агента нерыночного, рентного распределения ресурсов между социальными группами, а также способствовать формированию новых реалий рентного государства и рентного капитализма.

Контуры глобального рентного порядка, легитимация новой структуры *общества без труда* будут связаны с поиском альтернативных демократических или вовсе недемократических оснований легитимации нового политического порядка, которому придётся обходиться

без привычных апелляций к большинству и среднему классу [Мартьянов 2017б]. Оптимистические попытки стабилизировать рыночную социальную структуру путём попыток кооптации избыточного рабочего класса (синих воротничков) в средний класс (белые воротнички), а последних в класс креативный, ориентированный на занятость в сфере услуг, потерпели закономерную неудачу, так как технологические сегменты постиндустриальной экономики не нуждаются в массовой занятости. Протестная активность растущего *прекариата* отчасти может быть компенсирована усилиями *социального государства*. Однако если государство всеобщего благосостояния в постиндустриальных обществах ещё может позволить содержать *лишних людей* на рентном пособии (безусловный базовый доход), то большинство естественных государств таких возможностей не имеет. Поэтому в глобальном контексте большинство лишних людей в условиях разнообразных недемократических политических режимов с большей вероятностью ждут не комфортабельные социальные пособия, а сокращение доступных возможностей, прав и гарантий, вплоть до исключения из общества или прямого уничтожения. Поэтому в центре миросистемы большинство граждан будет (и будет ли?) получать ренту, но не за свои востребованные качества, а просто за то, что они есть, в дискурсе гуманизма; на полупериферии все больше людей и групп, потерявших свое влияние и ресурсы, все чаще будут просто исключаться из общества и оставаться на самообеспечении как параллельно существующие архаизирующиеся социальные сообщества — отходники, гаражники, самозанятые, отгороженные в фавелы и трущобы; на периферии *лишние люди* будут умирать от голода, недостатка ресурсов, отсутствия лечения, высокой преступности и гражданских войн.

В российском случае экономические и властно-политические факторы стратификации образуют непрозрачную гибридную модель, в которой модель рыночной стратификации, которая в постсоветский период так и не стала доминирующей, вытесняется рентно-сословными факторами ранжирования социальных групп. Гипертрофия централизованного дистрибутивного государства усиливает сословные неравенства и количество *лишних людей* при усыхающей ренте. Ресурсов хватает только на ее неэффективное распределение в условиях постоянной *инфляции элит*. Возникает расширяющееся пространство *прекариата*, который находится в *слепой зоне* государства, выражаясь в феноменах и практиках усиливающейся *гетерархии* [Мартьянов 2009], *гаражной экономики* и *распределенных мануфактур* [Павлов, Селеев 2015], *отходничества* [Плюснин и др. 2013] и т. п. Основное противоречие рентно-сословного политического порядка проявляется и в том, что неопатримониальные элиты покупают лояльность значимых социальных групп путём их включения в пространство рентного доступа. Вместе с тем, стремление элит ограничить низшие сословия в их доступе к ренте и к любым механизмам поддержки со стороны социального государства, проводя их последовательное институциональное исключение, оборачивается потерей легитимности. Потенциально это ведёт к революционной ситуации. Социальная структура рентно-сословного общества, чья трансформация является потенциальной целью будущей революции, тоже может быть различным образом изменена. Прежде всего, через создание альтернативных источников получения ресурсов и видов деятельности, которые формируют новые социальные группы. Расширение рынка создаёт новые *экономические классы*, усиление которых закономерно порождает трансформацию социальной структуры *рентных групп*, изменение *сословного* политического порядка и оснований его легитимации.

- Гудков Л. 2011. Инерция пассивной адаптации. — *Pro et Contra*. — Январь-апрель. — С. 20–42.
- Едовина Т. 2014. Две пятых государства отдыхают в тени. — *Коммерсант*. — 28 мая.
- Есть ли будущее у капитализма... 2015. *Есть ли будущее у капитализма?* (сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна). — М.: Изд-во Института Гайдара. — 320 с.
- Кагарлицкий Б. 2016. *Готовьтесь к шторму*. — Доступно: <http://izvestia.ru/news/601870> — Проверено: 23.08.2017.
- Калинин К.О. 2006. Социетальные размежевания и электоральное поведение в России (1993–2003 гг.). — *Общественные науки и современность*. — № 5. — С. 35–49.
- Кордонский С.Г. 2008. *Сословная структура постсоветской России*. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение». — 216 с.
- Красильникова М., Самсон И. 2010. Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? — *Вестник общественного мнения*. — № 4. — С. 61–72.
- Макаренко В.П. 2015. Государственные интересы в контексте бюрократического господства. — *Политическая концептология*. — № 3. — С. 6–17.
- Мартьянов В.С. 2009. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений. — *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. — № 9. — С. 230–248.
- Мартьянов В.С. 2016. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам. — *Социологические исследования*. — № 10. — С. 139–148.
- Мартьянов В.С. 2017а. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? — *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*. — Том 17. — Вып. 1. — С. 61–82.
- Мартьянов В.С. 2017б. Политическая онтология Модерна: в поисках ускользающего большинства. — *Полития*. — № 1. — С. 107–126.
- Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. 2016. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России. — *Вопросы философии*. — № 10. — С. 58–68.
- Миланович Б. 2017. *Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации*. — М.: Изд-во Института Гайдара. — 336 с.
- Павлов А.Б., Селеев С.С. 2015. Феноменологическое описание современной промышленной деятельности. — *Universum: Общественные науки*. — № 3. — Доступно: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2013> — Проверено 23.08.2017.
- Пикетти Т. 2015. *Капитал в XXI веке*. — М.: Ад Маргинем. — 592 с.
- Плюснин Ю.М. и др. 2013. *Отходники*. — М.: Новый Хронограф. — 288 с.
- Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. — СПб.: Алетейя. — 320 с.
- Рогозин Д. 2016. «Не иметь дела с властями — признак зрелости» (интервью). — Доступно: <http://www.rosbalt.ru/russia/2016/10/28/1562894.html>. — Проверено 23.08.2017.
- Российский статистический ежегодник... 2017. *Российский статистический ежегодник*. — М.: Росстат. — 728 с.
- Соболев Э. 2014. Проблемы и тенденции оплаты труда в постсоветской России. — *Альтернативы*. — № 1. — С. 64–78.
- Тихонова Н.Е. 2014. *Социальная структура России: теории и реальность*. — М.: Новый хронограф. — 408 с.
- Фисун А.А. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. — *Политическая концептология*. — № 4. — С. 158–187.

Фишман Л.Г. 2016. Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция. — *Полития*. — № 3. — С. 116–129.

Фишман Л.Г. 2015. Идеология и победа. — *Полития*. — № 3. — С. 111–119.

Экономика Африки... 2010. *Экономика Африки в условиях рыночных преобразований*. — М.: Институт Африки РАН. — 308 с.

Africa`s pulse... 2013. *Africa`s pulse*. — Доступно: http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Africa/Report/Africas-Pulse-brochure_Vol8.pdf — Проверено: 23.08.2017.

Factbook... 2015. *Factbook*. — Доступно: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2221rank.html?countryname=Russia&countrycode=rs&regionCode=cas&rank=157#rs>. — Проверено: 23.08.2017.

Sorensen A. 2000. Toward a sounder basis for class analysis. — *American Journal of Sociology*. — Vol. 105. — No 6. — P. 1523–1558.